

О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-а>

Татьяна Леонидовна Колосовская, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010039

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-а>, в которой есть устойчивый компонент *куда до*, а также варьирующиеся компоненты (слоты) X и Y. Значение этой конструкции не выводится из суммы значений ее компонентов и может быть сформулировано так: 'X уступает Y по определенным признакам, зависящим от контекста и способным проявляться как эксплицитно, так и имплицитно'. Материалом для анализа послужили 463 контекста, включающих данную конструкцию, из устного и газетного подкорпусов НКРЯ, а также из Генерального интернет-корпуса русского языка. Контексты представляют собой разговорную письменную речь, а также устную спонтанную или квазиспонтанную речь, отличающуюся определенной степенью подготовленности. Внимание в статье сосредоточено на характеристике варьирующихся компонентов конструкции, которые, в зависимости от ситуации, могут выражаться различными способами. Демонстрируется сравнительно-оценочный характер данной конструкции, а также выявляются некоторые особенности контекста, способные акцентировать внимание на этом сопоставлении. К ним относится использование нескольких объектов в одной позиции, частиц, усиливающих оценку, подразумевающую несоответствия объектов друг другу, изолированное употребление конструкции с восклицательной интонацией и нагромождение в тексте синонимичных единиц с семантикой сравнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеосхема, грамматика конструкций, корпусная лингвистика, конструкция, объект сравнения

для цитирования: Колосовская Т. Л. О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a> // Русская речь. 2025. № 1. С. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611725010039.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Issues of Modern Russian Language

On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <*kuda X do Y*>

Tat'yana L. Kolosovskaya, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg),
kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the description of the comparative-evaluative construction <*kuda X do Y*>, which has stable components *kuda do*, as well as varying components (slots) X and Y. The meaning of this construction is not deduced from the meanings of its components and can be formulated as follows: 'X is inferior to Y in certain attributes, that depend on the context and can be manifested both explicitly and implicitly'. The material for the study was 463 contexts, including this construction, from the oral and newspaper sub-corps of the National Corpus of the Russian Language, as well as from the General Internet Corpus of the Russian Language. Contexts represent spoken written speech as well as spoken spontaneous or quasi-spontaneous speech characterized by a certain degree of preparedness. The focus of the article is on characterizing the varying components of the construction, which, depending on the situation, can be expressed

in different ways. The comparative-evaluative nature of this construction is demonstrated, and some contextual features that can emphasize this comparison are identified. These include the use of several objects in one position, particles that reinforce the evaluation implying inconsistencies of objects with each other, isolated use of constructions with exclamatory intonation, and cluttering the text with synonymous units with the semantics of comparison.

KEYWORDS: phraseoscheme, grammar of constructions, corpus linguistics, construction, objects of comparison

FOR CITATION: Kolosovskaya T. L. On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <kuda X do Y>. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 37–51. DOI: 10.31857/S0131611725010039.

ACKNOWLEDGEMENT: The presented research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00189 “The structure and functionality of set multiword units in Russian everyday speech”.

Введение

В центре внимания исследования находится грамматическая конструкция (К) <куда X-у до Y-a>, которая активно функционирует в разговорной речи носителей русского языка. Цель работы — анализ данной оценочной конструкции с семантикой сравнения и описание ее варьирующихся компонентов (слотов).

Основными методами работы являются описательный, построенный на контекстном анализе, и количественный (простые количественные подсчеты).

Пользовательский подкорпус работы включает 463 единицы в контекстах, а источниками материала стали устный (УП) и газетный подкорпусы (ГП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также комментарии из социальной сети Вконтакте и «Живого Журнала» в структуре Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)¹.

В современной лингвистике активно ведется описание особенностей повседневного общения, специфики функционирования живой речи, создается грамматика устной речи. Развитие области лингвистики, которая изучает устную спонтанную речь разных социальных групп носителей языка, привело к тому, что в 70–80-е гг. XX в. исследование разговорной

¹ Все примеры из этих источников, которые приводятся далее в статье, сохраняют оригинальную орфографию и пунктуацию.

речи переросло в самостоятельное направление, которое получило название *коллоквиалистики*. В ее рамках проводятся исследования функционирования языка в повседневном общении.

Коллоквиалистика охватывает различные сферы языка и речи. Одним из таких направлений является *Грамматика конструкций* (*Construction Grammar*, или СхG) [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995], основной единицей описания которой является *конструкция*. Именно в рамках СхG осуществляется анализ материала в настоящей работе.

В поисках термина

Конструкция в понимании СхG предполагает определенную степень устойчивости своих компонентов, что сближает ее с *фразеологизмом*. В научном обороте существует множество терминов для описания подобных единиц: *синтаксические фраземы, нестандартные конструкции, коллокации, коллигации, коллостракции, фразеосхемы* и некот. др.

Так, Н. Ю. Шведова рассматривала распространенные синтаксические единицы разговорной речи как *фразеологические конструкции*, ср.: «В разговорной речи обильно представлены застывшие конструкции, “шаблонные фразы”, не требующие “комбинирования” и не поддающиеся отчетливому членению — “построения в субстантивном значении этого слова” (в противоположность отчетливо членимым, допускающим комбинирование “построениям в глагольном значении этого слова”)» [Шведова 1960: 7]. Подобные синтаксические явления в устной речи функционируют только в конкретных условиях: «конструкция лексически ограничена, ее словесное наполнение не свободно, грамматическая форма встречает “сопротивление лексического материала”» [Там же: 8].

О *синтаксических фразеологизмах* писал Д. Н. Шмелев, считавший фразеологическими те построения, в которых «фразеологической является сама схема предложения», и использовавший для подобного рода единиц термин *фразеосхема*, ср.: *Понимать-то я понимаю, а вот объяснить не умею; Думай не думай, а загадки не отгадаешь!* [Шмелев 1960: 51].

М. В. Копотев, опираясь на И. А. Мельчука, приводит следующие основные стратегии описания типов фразем:

1) единицы, которые затрагивает фразеологизация: лексема (*настух* с аффиксом *-тух*), словосочетание (*дутый авторитет*), синтаксическая фразема (просодические варианты предложения *Ты у меня прочитаешь эту книгу*);

2) участие прагматических факторов в процессе фразеологизации: связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (*срок годности*) и семантические фраземы (*отбросить копыта*);

3) компонент лингвистического знака, подверженный фразеологизации: означаемое (*бить баклуши*), означающее (супплетивные единицы в морфологии) или синтактика знака (*He sort of laughed*);

4) степень фразеологизации: полные фраземы (= идиомы), полуфраземы (= коллокации), квазифраземы [Копотев 2008: 10].

При этом в работе исследователь анализирует единицы, «представляющие собой идиоматизированные предложения, обладающие предикативностью» [Копотев 2008: 14]. Они обладают уникальным свойством: могут выступать как самостоятельные предложения, что отличает их от других типов, и в то же время служат фундаментом для набора ограниченных лексических вариаций. В академической среде подобные единицы известны под различными названиями: «фразеосхемы», «формальные конструкции» или «синтаксические фразеидиомы». М. В. Копотев использует термин, предложенный И. А. Мельчуком и обозначающий синтаксические фраземы/идиомы.

Под *фразеологизмом-конструкцией* понимается «фиксированная часть конструкции вместе с ее синтаксисом, [выражающая] единое значение, которому присущи свойства лексической семантики» [Баранов, Добровольский 2013: 88] — иными словами, это «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные (X, Y) или пропозициональные (P, Q)²)» [Добровольский 2016: 12], ср.: <X не в X> (*праздник не в праздник*), <не X, а Y> (*не мужик, а шкаф; не женщина, а гора*), <не X, а так, Y> (*не научный доклад, а так, рассказ о впечатлениях*) [Там же].

В работе [Коган 2018] вводится термин *синтаксические фразеиды*, означающий «конструкции, в которых ряд компонентов являются устойчивыми, регулярно воспроизводимыми, а другие заменяются, своеобразные конструкции-колодки, в которые подставляется значимый элемент» [Там же: 44]. Синтаксические фразеиды «близки фразеологизмам, однако отличаются от них по какому-либо параметру определения фразеологичности» [Там же: 42].

В исследовании [Богданова-Бегларян, Цуй Лили 2019] используется термин *конструкция-коллокация*, означающий единицу, которая образовалась в результате действия «сразу двух активных процессов современной русской речи: грамматикализации и идиоматизации», ей присуща

² Под актантами понимаются пропущенные компоненты некоторых устойчивых конструкций. Актанты могут быть обычными, то есть активными, значимыми участниками ситуации, которые способны сочетаться с предикатом-сказуемым, и пропозициональными, обозначающими намерения или желания говорящего. Последние обычно представлены глаголами, за которыми следует придаточное предложение, выражающее мысль (пропозицию). Обычные актанты графически обозначаются как X, Y, пропозициональные — как P, Q.

«и ярко выраженная грамматическая природа, и устойчивый характер, и статистическая представительность в устной речи» [Там же: 467–468], ср.: <(Q) — P — что ли?> (где? в кафе что ли? / чего / мне жалко что ли? / не знаешь что ли?); <P (aut) нет>³ (балет будет / нет?).

В работах Л. Л. Иомдина, представителя так называемого малого синтаксиса — направления Московской семантической школы, фигурируют термины *синтаксическая фразема* и *нестандартная синтаксическая конструкция*, граница между которыми недостаточно четкая. Главным различающим фактором является субъективный критерий «степени лексикализации объекта» [Иомдин 2006: 202]. Лексическое наполнение К (конструкции) не ограничено, участки К вполне свободны, единственный служебный, лексически ограниченный, элемент с весьма общей семантикой не играет значительной роли, чтобы перевести К в разряд синтаксических фразем.

По мнению А. В. Величко, после работ Н. Ю. Шведовой и Д. Н. Шмелева, заложивших основу исследования единиц, которые носят устойчивый характер, «в русской лингвистике синтаксические фразеологизмы изучались не очень активно и не системно» [Величко 2016: 46]. В результате однозначного понимания подобных единиц пока не выработано, до сих пор существуют разные точки зрения на терминологию и содержательную сторону всех подобных понятий.

По отношению к объекту настоящего исследования в статье используется термин *конструкция*, соответствующий классическому пониманию К в рамках CxG, ср.: «C is a CONSTRUCTION if C is a form-meaning pair <Fi, Si> such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions»⁴ [Goldberg 1995: 4]. Вслед за А. Е. Голдберг, Е. В. Рахилина и Ю. Л. Кузнецова понимают под К «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Типичными свойствами конструкции в рамках CxG являются следующие:

- К имеет не только синтаксические, но и лексические, семантические и прагматические параметры, т. е. может включать и лексические единицы;
- К включает элементы, отношения между которыми складываются по-разному и не обязательно жестко фиксированы, они имеют

³ <P *или* нет>.

⁴ С является КОНСТРУКЦИЕЙ, если С представляет собой такую пару форма-смысл (Fi, Si), что некоторый аспект Fi (форма) или некоторый аспект Si (смысл) не является строго предсказуемым из составных частей С или из других ранее установленных конструкций (перевод наш. — Т. К.).

- возможность свободного комбинирования с другими компонентами в зависимости от речевой ситуации;
- семантика К более широкая по сравнению с семантикой составляющих ее элементов, поэтому она обладает определенной степенью идиоматичности [Fillmore et al. 1988].

Н. Ю. Шведова упоминала частицу *куда*, которая формирует «инфинитивные предложения со значением уверенного отрицания возможности совершения действия: в составе предложения обычен дательный субъекта; частица, как правило, начинает собою все построение», ср.: *Куда мне, оглашенной, к большим барам ездить* [Шведова 1960: 129–130]. Для таких К характерно осложнение дополнительными компонентами *уж, там, тут, же*, ср.: *Война все равно кончена. Куда там воевать, когда уже всё провоевали!* Кроме того, предложения с *куда* могут включать в себя только частицу *куда* и следующий за ней дательный субъекта: *Куда ему! Куда уж тебе! Куда тут вам!* [Там же].

В отличие от упомянутых Н. Ю. Шведовой единиц, конструкция <куда X-у до Y-а> подразумевает сравнение двух объектов, поэтому может именоваться *сравнительно-оценочной конструкцией*.

В настоящей работе для наименования и различения варьирующихся компонентов принимаются обозначения, принятые в СхG: X — это предмет, признак, обстоятельство, ситуация, стоящие у истоков сравнения и устойчиво имеющие в рамках рассматриваемой К форму Дат. п., а Y — объект, который сравнивают с X, устойчиво стоящий в форме Род. п.⁵.

⁵ Структурно близким к объекту исследования является такой ряд конструкций: <что X-у до Y-а>, <до Y-а ли/ль X-у>, <X-у не до Y-а> и <куда X-у до Y-а>, они не имеют семантики сравнения. Так, конструкция <что X-у до Y-а> означает ‘что-то для кого-то не имеет большого значения, несущественно, неважно (по какой-то причине)’ (*Люди собрались поразвлечься / не стоит их за это винить. Что им (X) до чувств (Y) маленькой девочки с огромным белым бантом?*). Конструкция <до Y-а ли/ль X-у> синонимична предыдущей, тоже не содержит никакого сравнения и имеет значение ‘кому-то что-то неважно, несущественно, безразлично’ (*Лишние руки в доме. Только подросток. Двое-то под ногами толкутся / до них (Y) ли мне (X)? А этот уж в разум входит стал. Нет-нет да и поможет*). Конструкция <X-у не до Y-а> также имеет значение несущественности Y для X: *А это мы не интересовались. Во-первых / профессор ходил с палочкой уже. Ему (X) не до театра (Y) / не до выставки (Y)*. Здесь также нет сравнения двух объектов, поэтому к дальнейшему анализу такие конструкции не привлекались. Существуют и К, близкие к исследуемой не только по структуре, но и семантически, ср.:

- <X-у далеко до Y-а>: *Вот. А младший Буш / конечно / ээ ему (X) далеко до старшего Буша (Y);*
- <X-у до Y-а как до луны>: *Я вот смотрю некоторые рисунки, я просто порожаясь. Я только рисую раскраску по номерам, мне (X) до вас (Y) как до луны;*
- <X-у до Y-а расти и расти>: *Согласен, одним опытом за пояс засунет) Нам (X) до них (Y) расти и расти.*

В рамках настоящей работы эти единицы также не рассматриваются. Они могут стать объектом отдельного исследования.

Анализ материала

Сравнительное-оценочная К <куда X-у до Y-а> легко вписывается в СxG, ср.:

- 1) — *Слава / не дури! — Ну да / понятно. **Куда Томке** (X) **до вас** (Y)! Зарплата небольшая / работа невидная / и вообще могла б быть помоложе / так что ли?*

Данная К предполагает наличие как минимум двух объектов сравнения, поэтому в варьирующихся слотах используются равноправные понятия. Контекст (1) демонстрирует равные отношения между объектами. *Томка*, о которой упоминается в разговоре, сравнивается с другими людьми по ряду показателей: *зарплата небольшая, работа невидная, могла б быть помоложе*.

Интерес для исследования представляют варьирующиеся в рамках данной К компоненты.

В материале НКРЯ в найденных по запросу *куда до* 173 контекстах 64,8 % составляют случаи реального называния объекта в слоте Y (2), в остальных примерах происходит дублирование объекта местоимением (3), ср.:

- 2) ***Куда там их Никите** (X) **до нашей красавицы** (Y), которая к 23 годам сумела сделать блестящую милицейскую карьеру!*
- 3) *Конечно, все они сами играли в футбол, знают, что и как нужно делать, и неоднократно принимали участие в матчах на высшем уровне, в финалах чемпионатов мира поиграли, **куда нам** (X) **до них** (Y).*

В УП объект X конкретизирован довольно часто, однако местоимение встречается чаще (46,8 vs 53,2 %). Видимо, все зависит от того, какой именно слот в примере назван, второй же, в зависимости от этого, либо заменяется местоимением, либо тоже представлен эксплицитно.

Примечательно, что иногда в самой К возможна конкретизация местоименного объекта с помощью разного рода уточнений (4) (подчеркнуто):

- 4) *Дальше опять таки можно не читать. Да **куда мне, любителю** (X), **до такого ЭСПЭРДА** (Y) как ты, я и не претендую.*

Часть высказывания, которая раскрывает первый объект, может быть расположена и дистантно, при этом остается понятно, к чему относится это уточнение (подчеркнуто):

- 5) *Архипцев / а твой штурман явно делает успехи. Тихий / тихий / а ведь... хы... туда же. Ну **куда нам** (X) **до него** (Y) / серым-то лошадакам? Он артист / Ойстрах.*

Если все же К построена так, что оба объекта выражены местоимениями, то уточняющие единицы становятся неотъемлемой частью структуры, иначе есть риск остаться непонятым:

- 6) *Нет, титан! Нет, суперпрочный поликарбонатный сплав! Ну конечно, **куда мне, киборгу**, (X) **до вас** (Y), людей.*

Сравнительно-оценочный характер рассматриваемой К доказывают контексты, в которых эксплицитно выражено само сопоставление, как в примере (7) (подчеркнуто):

- 7) *Голубоглазый француз с галантными манерами («он так красиво за мной ухаживал!») до сих пор остался принцем. Она сравнивала с ним всех последующих мужей, детей и внуков. «Он был добрым, изысканным и внимательным — **куда до него** (X) **нашим мужикам** (Y)», — сетует Екатерина Семеновна.*

В контекстах из ГИКРЯ рассматриваемая К анализировалась несколько иначе. Ограниченный поиск по устойчивому компоненту *куда до* был задан таким образом, что компоненты К стояли в другом порядке <*куда до Y-а X-у*>. В итоге было найдено 290 контекстов с рассматриваемой К, в составе которой в большинстве случаев (89,4 %) объект Y представлен дублирующим его местоимением.

Таким образом, в ситуации оценки и сравнения обязательно присутствует объект Y, с которым предполагается сопоставление X по эксплицитному или имплицитному признаку, но в самой К этот объект часто не называется, а заменяется местоимением, отсылающим к реальному объекту, который находится где-то рядом, предполагается из ситуации (8) или описывает эту ситуацию (9), ср.:

- 8) *Ребёнка «родил», огромную семью содержит, путешествует. **Куда до него** (Y) модным нынче **мачо** (X), умеющим лишь бицепсами трясти;*
- 9) *На уровне «хванчкар», «токайского», «медвежьей крови» и пр. царил невероятный разгул подделок. Из ближнего зарубежья и с русского юга шли потоком полусладкие вина непонятного состава и качества: при отсутствии элементарных знаний о вине они пользовались спросом (иные пользуются до сих пор). **Куда до всего этого** (Y) **Ноздреву** (X) с его «бургиньон и шаппаньон в одной бутылке», **куда герою булгаковского фельетона**, у которого «собственные виноградники на Воробьевых горах»!*

Список местоимений, способных заполнять слот *У*, немаленький. Данные единицы в форме Дат. п. присоединяются к предлогу *до* из устойчивого компонента *куда до* и, естественно, находятся всегда в постпозиции по отношению к предлогу. Важно, что в этом перечне есть местоимения, замещающие как лица, так и условную ситуацию (9), которая воссоздается до этого в ходе коммуникации, что только подтверждает тот факт, что сопоставляться в рамках данной конструкции могут не только конкретные объекты, называющие личности или предметы, которым присущи какие-то яркие характеристики, на основе которых можно выстроить это сравнение. Подобные контексты сложнее в понимании, так как нужно разбираться, что или кто конкретно сопоставляется.

Такое разное воплощение объекта *У*, возможно, объясняется особенностями методики точного поиска. Но даже если так, то есть вполне конкретные результаты и наглядное количество примеров с преобладающим дублированием конкретного компонента *У*. В таких примерах *Х* выходит на первый план, «перетягивая» внимание на себя.

В ГИКРЯ практически все примеры, составившие пользовательский подкорпус (95,3 %), содержат вполне конкретный объект *Х*. Очевидно, это связано с тем, что объект сравнения *У* чаще всего встраивается в *К* в виде местоимения. Из-за этого второй объект, который в результате точного поиска находится в постпозиции по отношению к устойчивой части *куда до*, практически всегда называется существительным, а не дублируется местоимением, ср.:

- 10) *Да, наши судоводители, в отличие от низших чинов, выглядели на уровне требований устава. Куда до них (У) какому-нибудь Тимофею Саввичу (Х) с его чунями и телогрейкой.*

В материале удалось выявить некоторые приемы, которые используются говорящим (пишущим), чтобы акцентировать внимание собеседника на заложенном в *К* сравнении и преобладании объекта *У* над объектом *Х*. Рассмотрим эти приемы.

1. Наличие нескольких объектов на месте одного слота *Х*, что повышает статус сравниваемого с ними объекта *У*. Количество таких единиц, кажется, ничем не ограничено, обычно это два или три объекта (11):

- 11) *А прекрасный Рыбников, который одним взглядом, одним движением уделывает любого нашего современного секс-символа, куда до него (У) Безрукову (Х), Башарову (Х) и забыла кого там нынче по рейтингу валяющихся тут где-то «Семи дней» признали самым красивым актером года (Х).*

2. Восклицательные предложения, предполагающие особую интонацию и привлекающие внимание к конкретному отрезку текста, которым нередко является анализируемая сравнительно-оценочная К:

- 12) *Донцова абсолютный чемпион по быстрописанию: роман в один-два месяца! Куда до нее (Y) Александре Марининой (X) или тем более Борису Акунину (X)! Трудолюбие Донцовой поражает не менее ее популярности.*

3. Дублирование К. Так, в примере (13) используется рассматриваемая единица, которая приводится в тексте целых три раза, следуя одна за другой и каждый раз повышая таким образом значимость объекта Y, один ли он или их несколько, и занижая роль объекта X, ср.:

- 13) *Куда Клериссо (X) до Пиранези (Y) — урбаниста в камзоле, фантаста-наркомана, Гоёе от архитектуры. Куда ему (X) до Гюбера Робера (Y) — меланхолического лирика, певца транзита, который gloria mundi. Куда ему (X) до Каспара Давида Фридриха (Y) — романтика-символиста, воздвигавшего свои руины как границы меж временем и вечностью...*

4. Иногда для сравнения используется не одна К, а несколько синонимичных⁶:

- 14) *Франция и Германия в своих спорах за Эльзас и Лотарингию просто отдыхают. :) И Балканы, эта «пороховая бочка Европы», за которые полегло немало людей из Европы и Азии, тоже нервно курит в сторонке. :) Елена Прекрасная меркнет. Куда им всем (X) до села Зюзина (Y).*

5. Рассматриваемая К способна, как и другие, расширяться за счет дополнительных усилительных частиц, которые представляют с данной единицей одно целое, ср.:

- 15) *Скажем так — это смешная комедия (хотя, конечно, не такие уж эти немцы великие актеры-комики — куда им (X) даже и до Эдди Мерфи (Y) и Джима Керри (Y)), но совсем не умная пародия.*

Возможны, разумеется, и другие подобные «расширители», подчеркивающие экспрессивный характер рассматриваемой разговорной сравнительно-оценочной конструкции.

⁶ О сравнительно-оценочной конструкции <Р — N₁ отдыхает> (в принятых в настоящей статье обозначениях: <Y — X отдыхает>), синонимичной рассматриваемой, см., например: [Колосовская 2021].

Выводы

В работе проанализирована сравнительно-оценочная конструкция, которая фиксируется не только в устной речи, но и в письменных источниках, представляющих собой *квазиспонтанную* (устно-письменную) *речь*, что доказывает активное функционирование данной К в повседневном общении на русском языке.

В рассматриваемой К <куда X-у до Y-а> присутствуют переменные компоненты (слоты) X и Y, на которых сосредоточено исследовательское внимание. Их вариативность — характерная черта конструкций в понимании СхG. Сравнимые объекты способны дублироваться местоимениями, конкретизироваться и расширяться, они могут находиться в различных позициях в структуре К, а также использоваться как изолированно в восклицательных предложениях, так и в паре с другими объектами.

Комментарии из социальных сетей в ГИКРЯ очень напоминают устное общение, хотя, строго говоря, таковыми не являются. Примеры из устного и газетного подкорпусов НКРЯ представляют собой как реальную устную речь, так и ее имитацию (в газетных текстах или речи кино). Последние отличаются большей степенью подготовленности, чем обычные комментарии людей. Основная цель любой журнальной публикации — быть понятной читателю, поэтому автор должен уточнять все элементы, которые использует в своем тексте. Тем не менее в ходе повседневной коммуникации носители языка прибегают к речевой экономии, что во многом объясняет высокий процент ситуаций, где в рамках К происходит дублирование одного из объектов местоимением.

Материалы проведенного исследования могут пополнить практический арсенал коллоквиалистики, а также рассматриваются как элементы лингвистики *креатива*, для которой характерно «творческое начало, эвристичность, противостояние автоматизму, банальности, что свойственно далеко не только языку поэзии или, шире, художественному дискурсу, но в определённой мере свойственно и всем иным дискурсивным практикам, в том числе разговорной» [Харченко 2012: 147].

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта; Наука, 2013. 312 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Цуй Лили. Грамматическая специфика повседневной русской речи: на стыке конструкции и коллокации // Русская грамматика: структурная

- организация языка и процессы языкового функционирования / Ред. О. И. Глазунова, К. А. Рогова. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 466–475.
- Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 411 с.
- Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2024).
- Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Иомдин Л. Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Коган Е. С. О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Т. 10. Вып. 3. 2018. С. 42–51.
- Колосовская Т. Л. Чувство юмора — «Камеди клуб» отдыхает: об одной устойчивой оценочной конструкции, или Кто может отдыхать? // Русская речь. 2021. № 4. С. 17–32.
- Коптев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. 126 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.06.2024).
- Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Харченко В. К. Креатив разговора // Лингвистика креатива — 2: Кол. монография / Ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 147–164.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.
- Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. 1988. Vol. 64 (3). Pp. 501–538.
- Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago press. 1995. 265 p.

References

- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Osnovy frazeologii (kratkii kurs)* [The Basics of Phraseology (a Short Course)]. Moscow, 2013. 312 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Tsui Lili. [Grammatical Specificity of Everyday Russian Speech: at the Junction of Construction and Collocation]. *Russkaya grammatika: strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [Russian grammar: the structural organization of language and the processes of linguistic functioning]. Moscow, LENAND Publ., 2019, pp. 466–475. (In Russ.)
- Dobrovol'skii D. O. [Grammar of Constructions and Phraseology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2016, no. 3, pp. 7–21. (In Russ.)
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, 1988, no. 64 (3), pp. 501–538. (In Eng.)
- General'nyi internet-korpus russkogo yazyka* [General Internet Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://www.webcorpora.ru> (accessed 23.06.2024).
- Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, 1995. 265 p.
- Iomdin L. L. [Polysemous Phrasemes: Between Vocabulary and Syntax]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhd. konferentsii "Dialog 2006"* [Computational linguistics and intelligent technologies. Proceedings of the international conference "Dialogue 2006"]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006, pp. 202–206. (In Russ.)
- Kharchenko V. K. [Creative Conversation]. *Lingvistika kreativa – 2: Kol. monografiya* [Linguistics of creativity–2: Col. monograph]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 147–164. (In Russ.)
- Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective* [Grammar Semantics: Russian in a Typological Perspective]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 704 p.
- Kogan E. S. [On the Status of Some Stable Units the Discourse of a Small Social Group]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2018, no. 3, pp. 42–51. (In Russ.)
- Kolosovskaya T. L. [*Sense of Humor – "Comedy Club"* is Resting: about One Stable Evaluation Structure in Russian, or Who Can Have a Rest?]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 4, pp. 17–32. (In Russ.)
- Kopotev M. V. *Printsipy sintaksicheskoi idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, Helsinki University Press Publ., 2008. 126 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 23.06.2024).
- Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. [Grammar of Constructions: Theory, Supporters, Close Ideas]. *Lingvistika konstruktivnaya* [The linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 18–79. (In Russ.)

Т. Л. Колосовская. О компонентах разговорной сравнительно-оценочной конструкции <куда X-у до Y-a>
T. L. Kolosovskaya. On the Components of the Conversational Comparative Evaluative Construction <kuda X do Y>

Shmelev D. N. [On “Related” Syntactic Constructions in the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1960, no. 5, pp. 47–60. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960, 377 p.

Velichko A. V. *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke: strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [Sentences of Phraseologized Structure in the Russian Language: Structural-semantic and Functional-communicative Research]. Moscow, MAX Press Publ., 2016. 411 p.